

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Амфитеатров А. В. Мертвые боги: Рассказы. Роман М.: Современник, 1991.-- (Из наследия). // ISBN: 5-270-01012-7 FB2: "rvvg ", 07.05.2009, version 1.9 UUID: FBD-14C282-BC92-9C43-EF97-BA3A-759C-70E96F PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Александр Валентинович Амфитеатров

На заре (Мифы жизни (1911))

Сборник «Мертвые боги» составили рассказы и роман, написанные А. Амфитеатровым в России. Цикл рассказов «Бабы и дамы» — о судьбах женщин, порвавших со своим классом из-за любви, «Измена», «Мертвые боги», «Скиталец» и др. — это обработка тосканских, фламандских, украинских, грузинских легенд и поверий. Роман «Отравленная совесть» — о том, что праведного убийства быть не может, даже если внешне оно оправдано.

Из раздела «Украина»

Содержание

#1	0005
Примечания	0017

На заре

Дарья Ивановна Кирибеева не спит, хотя Дуже далеко за полночь, и в открытые окна давно дышит прохладой и сыростью предрасветный ветерок, свежими, бодрящими струями наплывая в темную, душную ночь с большой горной реки, с шумом и грохотом держащей через город свой путь к морю. Господствующие над городом горы чуть видны во мраке, но на востоке их линия выступает яснее, и небо над нею подернуто мутными, белесоватыми полосами, предвестниками близкой зари, так хорошо знакомыми Дарье Ивановне. Она уже забыла, когда спала ночи. Уложив с вечера детей в постели и сама прикорнув возле них, она дремлет час-другой — чутко вздрагивая от малейшего шороха в доме, постоянно готовая открыть глаза. Едва сон становится крепче, Дарью Ивановну начинает душить кошмар, — она просыпается под впечатлением какого-нибудь страшного видения, в холодном поту, с усиленно бьющимся от испуга сердцем, и уже не в состоянии вторично сомкнуть ресницы. Она встает с постели, уходит из детской, зажигает в гостиной свечи и до зари бродит, как привиде-

ние, по своей маленькой квартире, волоча за собой концы длинной, накинутой на голые плечи шали и шлепая надетыми на босую ногу туфлями без задков... Подойдет к фотографиям, развешанным в гостиной, над диваном, пересмотрит в тысячный раз их знакомые лица; развернет попавшуюся под руки книгу, прочтет три строки, зевнет и бросит; усядется писать письма, начнет "милостивый государь" или "многоуважаемая", задумается и оставит перо; заглянет в буфет, машинально возьмет и съест что-нибудь оставшееся от ужина; найдет карты — пасьянс раскладывает... Скучно, нет мочи ни спать, ни работать, ни развлечь себя; лицо горит; в голове пустота — вместо мыслей какая-то стукотня в виски, досадная, утомительная, бестолковая. Ночь надоедает страшно, уличный мрак, глядясь в окна, пугает воображение, вгоняет в тоску. Дарья Ивановна ждет не дождется, пока над черным силуэтом далекого крутого холма не покажется сперва слабо мерцающее сияние, а потом не выступит громадная светло-зеленая звезда: это Венера; вышла она — значит, скоро и утро.

К бессоннице Дарьи Ивановны домашние относятся довольно невнимательно: привыкли, — история тянется пятый год. Прежде ее жалели, беспокоились о ней, теперь перестали. Что ж? ведь она, в сущности, всем здоровая женщина, полная, крепкая, от бессонницы не изводится и не худеет, день-деньской шьет, учит младших детишек, распоряжается по хозяйству и, на взгляд, не особенно устает к вечеру. Правда, цвет лица у нее в последнее время стал каким-то бурым, землистым, и уж слишком много морщинок побежало от глаз к вискам и на щеки; но, с другой стороны, нельзя же век цвести розою. Дарье Ивановне тридцать шесть лет, у нее семеро ребят!.. Все в доме, кому надо рано вставать, поручают будить их Дарье Ивановне. В шесть часов она стучит в дверь каморки, где спит ее старший сын, восьмиклассник гимназист:

— Сережа! вставай!

Через полчаса Сережа приходит в столовую, умытый, одетый, но заспанный, зевая во весь рот.

— Ты, мамаша, опять не спала? — всегда спрашивает он с равнодушным удивлением,

так только — для приличия, ради соблюдения формы.

— Нет... Когда же я сплю?

— Черт знает что такое!.. Ты бы хоть к доктору сходила, что ли...

— Не помогают мне доктора... Вон хлоралгидрат глотаю, — никакой пользы... Не опиум же принимать!

— Все-таки следует посоветоваться. Нельзя же так: ты посмотри, какие у тебя глаза.

Глаза у Дарьи Ивановны по утрам действительно бывают очень нехороши, и она не любит видеть себя в зеркале после бессонницы. Не потому, чтоб она находила себя некрасивой: об этом она, пять лет вдова, стареющаяся, увядшая женщина, трудящаяся мать разоренного семейства, не имеет ни охоты, ни времени думать. Но ей всякий раз кажется, будто в стекле отражается не ее лицо, а чье-то чужое, странное, нервное, с затаенным раздражением в каждой черточке и с чем-то тупым и неприятным в расширенных зрачках усталых глаз. Дарье Ивановне представляется в такие минуты, что она похожа на сумасшедшую, — помешательста же она боится больше

всего на свете с тех пор, как оно предсказано ей одним знаменитым медиком.

Глядя на светлеющий восток, Дарья Ивановна вспомнила, что младшие дочери — семилетняя Соня и шестилетняя Лиза — умоляли ее вечером поднять их на зарю. Зачем бишь? Да!.. Русачка-няня уверила девочек, будто завтра солнышко весну-красну встречает и с радости играет на восходе разными цветами. Детям захотелось посмотреть, как это бывает. Дарья Ивановна усмехнулась. Она сама когда-то, живучи на своем глухом черниговском хуторе, из года в год собиралась наблюдать эту сказочную игру солнца и всякий раз просыпала зарю. Но однажды — уже не ребенком, а восемнадцатилетней красивой девушкой — она встала вовремя, на рассвете: в ставни ее спальни сильно постучали, и, преодолев сон, она наскоро оделась, как попало, и выбежала на крыльцо, дрожа от утреннего холода и вся горя счастливым, молодым румянцем. На крыльце ее ожидал молодой сосед, техник с ближнего рафинадного завода. Он был в кожаной морской куртке и высоких сапогах; с его картуза стекали дождевые кап-

ли.

— Эка погодка-то!.. — встретил он Дарью Ивановну. — И дождь, и снег... и черт, и дьявол! Небо серое — хоть солдатам на шинели его перекроить... Солнышка нынче надуло нас с вами основательно.

— Ничего! — весело ответила Дарья Ивановна, садясь на перила крыльца, — тучи еще могут разойтись.

— Блажен, кто верует. А я думал, что вы, услышав, что дождь барабанит по крыше, и встать не захотите.

— Вот хорошо!.. Как же это, если я дала вам слово вчера вечером? Я никогда не лгу... Ну, пока солнце не показалось, извольте говорить что-нибудь, развлекайте меня, занимайте!

— Хорошо-с. Только... Вот мы с вами сейчас одни — так я воспользуюсь случаем и лучше, чем переливать из пустого в порожнее, скажу вам серьезное слово. Вы, Даня, знаете, что я вас люблю?

Дарья Ивановна испуганно взглянула на него, потом потупилась:

— Знаю, — робко сказала она наконец.

— А... а замуж за меня пойдете?

— Пойду, — услышался тихий ответ, после еще длиннейшей паузы.

Молодой человек радостно вскрикнул, схватил девушку в объятия, поднял на свою широкую грудь и начал целовать. У нее дух захватило, ей было и стыдно, и хорошо, а счастья так много нахлынуло в душу, что оно и улыбкой засияло на покрасневшем, как мак, лице, и слезами излилось из умиленных глаз. Началась та быстрая и живая болтовня — такая глупая и пустая для постороннего уха, такая многозначительная для самих влюбленных, — на которую способны только очень молодые люди с сильным, свежим, искренним и откровенным чувством. Дождь перестал. Но тучи по-прежнему висели на небе, хотя кое-где между переливами их темно-серого фона проступили румяные пятна — отблески пылавшей под облачным покровом невидимки-зари.

— Вот и напрасно ты говорил, что солнце не будет играть! — говорила Дарья Ивановна своему жениху. — Видишь, какая прелесть? видишь? Я такого чудного утра не запомню!

Посмотри, что делается на небе: вон там, на облаке словно красный зверь какой-нибудь протянул лапы, там совсем Аравия вышла, будто ее с карты сняли... Ах, как хорошо! красиво! весело!

Жених любовался ею.

— Это, Даня, не солнце играет... — улыбаясь, заметил он. — Это, фантазерка ты моя, в нас с тобой разгулялась молодая жизнь, любовь, наше счастье: оттого так и хорошо, и красиво, и весело.

Но она зажала ему рот рукою.

— Неправда! Солнце, солнце, солнце!.. — со смехом твердила она.

Дарья Ивановна вздохнула... Как, однако, давно это было и как много воды утекло с того счастливого утра! Словно весь мир переменялся: другой край, другие люди кругом, другие обстоятельства переживаются... И она совсем другая... Дарья Ивановна равнодушно посмотрела на свою увядшую грудь, на потемневшие плечи: где та Даня, хорошенькая, свежая, беззаботная, которую за смех и песни все знакомые звали «попрыгуньей-стрекозой»?..

Оглянуться не успела,

с горькой улыбкой подумала Дарья Ивановна. Ах, как резко и рано изменила ей жизнь и обратила ее в нуль! Ни молодости, ни здоровья, ни денег... Любовь была, — муж уже вот пять лет лежит в могиле там, возле белой церкви, на высокой длинной горе, похожей на тушу допотопного чудовища, которому поручено охранять своей богатырскою мощью сокровища расположенного у ног его города. С того-то времени и начались для Дарьи Ивановны эти бессонные ночи, эта жизнь ночного привидения; тогда-то и появился у нее загадочный, притуплённый взгляд, полный угрозой близкого безумия. А ведь странно, когда муж умер, Дарья Ивановна не казалась слишком пораженной, — довольно спокойно распоряжалась похоронами, почти не плакала и не то чтобы сдерживалась, — нет, просто не хотела плакать; только голова у нее все время некрасиво тряслась, и отчего-то холодно ей было, несмотря на жаркую пору; и ее сильно смущало и раздражало, что она не в силах ни согреться, ни остановить этого произвольного дрожания головы. Впослед-

ствии Дарья Ивановна не слишком часто вспоминала покойного мужа так, чтобы сосредоточить на его памяти все свои мысли; но ей не раз казалось, что со времени его смерти она чуть ли не совсем потеряла способность внимательно думать, подолгу останавливаться на одном и том же предмете и очень плохо запоминает текущую жизнь. Все по-видимому идет в порядке. Дарья Ивановна — и мать образцовая, и хозяйка отличная, и женщина честная; семья ее растет, развивается, кругом ключом кипит детский юный быт; но ей как-то безынтересно все это: она и обязанности свои выполняет, и в семейных радостях и волнениях участвует поверхностно, по привычке, машинально и потому лишь, что так надо, — втайне ко всему равнодушная, почти холодная.

— Мертвая среди живых!.. — сказала про себя Дарья Ивановна, покачала головой и, слабо махнув рукой, села на подоконник. Утро вставало великолепное. Небо позеленело, светлое и прозрачное, как аквамарин. За хребтом высокой восточной горы, откуда надо было ждать солнца, висело сизое облако, и

на его поле ярко обозначились пять расходящихся толстых полос белого света — точно спицы колес в повозке Гелиоса, готового помчаться в мировое пространство своих огнедышащих коней. Разбуженные светом, мелкие тучки сорвались с уступов, дававших им ночной приют, и, то румяные, то золотые, быстро поплыли вразброд над долиною, где еще царили длинные черные тени, властно покрывая сонный город и мутную, строптивую реку. Но вот косой луч ударил откуда-то в высокую жестяную крышу большой церкви, разбился на ней в миллионы искр и, гигантским зайчиком перепрыгнув через широкую, обсаженную деревьями улицу, заиграл на окнах противоположных зданий. За этим лучом, как за первым солдатом, ворвавшимся в неприятельскую крепость, посыпались в город другие лучи, улицы переполнились блеском выкатившегося на гору солнца и стали просыпаться, под веселый птичий крик.

Дарья Ивановна смотрела на сияющее утро, дышала его воздухом, но как будто не видала его, не замечала, что творится в природе. Ей было не до утра и не до торжествую-

щего солнца: мысль ее ушла в далекое прошлое и утонула в нем...

За дверью послышался топот детских ножек, и в комнату вбежали Соня и Лиза — босые, в одних рубашонках, с нерасчесанными головками. Они протирали кулачками слипающиеся глаза.

— Что ж это, мамочка?! — чуть не плача, лепетали они, — мы проспали... Зачем же ты не разбудила нас смотреть, кав: солнышко играет? Мы так тебя просили... Какая ты недобрая!

Дарья Ивановна посмотрела на них с недоумением, словно тоже спросонья:

— Ах, да... солнышко! — тихо сказала она с жалкой улыбкой, — оно не играло сегодня, дети... Да, кажется, и никогда уж больше не будет играть!

И, не слушая детской жалобной воркотни, понуро и медленно побрела в кухню сказать кухарке, чтобы та поскорее ставила самовар.

Примечания

Рассказ написан в 1889 г., был включен в сб. «Случайные рассказы», «На заре и другие рассказы» (Берлин, 1922).

Печатается по изд.: Амфитеатров А. В. Бабы и дамы: (Междусословные пары). Спб., 1911.

Гелиос (греч. мифол.) — бог солнца.